

22.10.25

ЧТО СТОИТ ЗА СЛОВАМИ МЕРКЕЛЬ О ТОМ, ЧТО ПОЛЬША И ПРИБАЛТЫ СПОСОБСТВОВАЛИ НАЧАЛУ СВО

Бывший федеральный канцлер Германии Ангела Меркель в недавнем интервью газете Bild дала понять, что прибалтийские страны и Польша помешали ей договориться с Россией об урегулировании на Донбассе. Как человек умный и опытный, она, разумеется, не обвинила их прямо в срыве переговоров. Но намекнула прозрачно: дескать, она, Меркель, осенью 2021 года хотела организовать переговоры между Россией и ЕС по украинскому вопросу, но Латвия, Литва, Эстония и Польша выступили против, «затем я ушла с поста, и тогда Путин перешел к боевым действиям».

Эти высказывания могут иметь несколько толкований. Первый слой – шпилька в адрес действующих властей Германии («при "мамочке" такого не было»). Второй – сдержанное недовольство тем, что повестку Евросоюза по российской теме задолго до начала специальной военной операции монополизировали прибалты и поляки. Собственно, это и возмутило последних. Для них всякий сомневающийся в том, что Рига, Вильнюс, Таллин и Варшава владеют единственно верным знанием о России, – чудовищный еретик. Третий – аккуратный намек, что с Россией когда-нибудь все равно придется договариваться.

Неувядающая надежда, что «однажды европейцы нас поймут», заставила российских комментаторов отнестись к словам бывшей руководительницы Германии с некоторой симпатией. Если эта надежда жива на двенадцатом году украинского кризиса и четвертом году масштабных боевых действий, спорить с теми, кто ее лелеет, бесполезно. Но можно с высокой точностью установить, насколько бывший канцлер лукавит и что она вообще подразумевает под «переговорами с Россией». Благо для этого есть надежный источник.

В ноябре 2021-го МИД России сделал исключительный для нашей дипломатической практики шаг: опубликовал переписку министра Сергея Лаврова с его коллегами из Германии и Франции по поводу подготовки встречи «нормандского формата» (переговоры России, Германии, Франции и Украины об урегулировании конфликта на Донбассе). Обстоятельства и содержание этой публикации позволяют уверенно судить о том, насколько Берлин готов был договариваться с Москвой накануне СВО и мог ли здесь помочь Евросоюз.

Контекст

Приход к власти Владимира Зеленского был встречен в Москве с осторожным оптимизмом. Подтверждалась одна из главных гипотез, лежавших в основании нашей украинской политики: имея возможность выбирать, граждане Украины предпочтут мирный и умеренный курс для своей страны. Действительно, предвыборная кампания Зеленского шла на русском языке, он обещал прекратить войну на Донбассе и договориться с Россией.

Уже в сентябре 2019 года – к этому моменту прошли внеочередные выборы Верховной рады и Зеленский впервые в истории Украины собрал однопартийное президентское большинство – между Москвой и Киевом прошел обмен задержанными и осужденными лицами. С российской стороны были, в частности, переданы военные моряки, которые в ноябре 2018-го по приказу украинского руководства нарушили государственную границу России у побережья Крыма. Украина передала России в основном своих же граждан, осужденных за поддержку Донецкой и Луганской народных республик, в том числе и журналиста Кирилла Вышинского, которого украинские власти обвиняли в госизмене.

Важная деталь: в списки на обмен были включены жители ДНР и ЛНР, чья судьба решалась на переговорах об урегулировании донбасского конфликта и которые должны были быть обменяны на украинских граждан, находившихся в руках властей двух республик. Например, в Россию передали Юлию Просолову, которую на Украине осудили за убийство полковника СБУ, пытками добившись от нее самооговора. То, что обмен проходил между Москвой и Киевом, а не между Донецком и Луганском и Киевом, было серьезной уступкой с нашей стороны. Ссылаясь на прецедент такого обмена, Киев мог продвигать тезис, что Россия признала себя стороной конфликта. Не говоря о том, что возвращение из России украинских задержанных и осужденных давало Зеленскому внутривнутриполитические преимущества.

В декабре того же года, после трехлетнего перерыва, в Париже прошла встреча на высшем уровне стран «нормандского формата». Для этого Украине пришлось выполнить некоторые давно достигнутые договоренности, которые она ранее саботировала: отвести войска от линии соприкосновения на Донбассе в трех пунктах, письменно подтвердить согласованные четырем годами ранее условия вступления в силу закона об особом статусе Донбасса. Встреча в Париже позволила Зеленскому утверждать, что он не только обещал добиться мира, но и что-то делает для выполнения обещания.

Весной 2020-го регулярным встречам переговорных команд России, ДНР, ЛНР и Украины при участии представителей ОБСЕ попытались придать новый импульс: на один из раундов переговоров приехали замглавы администрации президента

Дмитрий Козак и глава офиса президента Украины Андрей Ермак. Под их руководством стороны договорились создать консультативный совет, который должен был вырабатывать рекомендации по политическим вопросам урегулирования. Правда, через пару дней Киев отозвал свою подпись под документом, где были зафиксированы договоренности. Летом 2020-го были согласованы и подписаны «Меры по усилению режима прекращения огня» на линии соприкосновения в Донбассе. Хотя число обстрелов сократилось, Киев, в отличие от властей народных республик, так и не отдал недвусмысленный приказ своим войскам прекратить огонь.

Оптимизм по поводу нового украинского президента, и без того слабый, сошел на нет. Украина по-прежнему отказывалась править свое законодательство в соответствии с требованиями Минских соглашений. Попытки укрепить режим прекращения огня в Донбассе разбивались о нежелание Киева исполнять договоренности. Киев все чаще заявлял, что Минские соглашения выполнять не хочет и не будет. Осенью 2020 года на Украине прошли местные выборы, показавшие снижение рейтинга правящей партии «Слуга народа». В ответ на это команда Зеленского решила разобраться с оппонентами раз и навсегда: указами президента стали вводиться так называемые санкции – внесудебные ограничения прав граждан. Первым объектом «санкций» стал Тарас Козак, владелец нескольких популярных телеканалов, близкий к партии «Оппозиционная платформа "За жизнь"», которая на местных выборах потеснила «Слугу народа», особенно на востоке Украины. Это означало, что, каким бы ни было мнение украинских избирателей, они больше не могли подталкивать руководство страны к здравому курсу. Политиков, выступавших за такой курс, теперь можно было выбросить из игры одним росчерком президентского пера. Весной 2021-го прошли крупные учения российских вооруженных сил, расцененные наблюдателями как сигнал Киеву. Это не убедило украинское руководство выполнить Минские соглашения. К осени того года – моменту, который сейчас вспоминает Меркель, – уже отчетливо пахло войной.

Переписка Лаврова

В августе 2021-го Ангела Меркель приехала в Киев. Ее визит запомнился двумя заявлениями. Во-первых, она призвала провести новую встречу стран «нормандского формата» на высшем уровне. Во-вторых, впервые назвала Россию стороной конфликта на востоке Украины.

Оба заявления были, пусть в разной степени, неприемлемы для Москвы. Встреча на высшем уровне в Париже завершилась вполне ясными договоренностями. В частности, Украина обещала так изменить свое законодательство, чтобы обеспечить вступление в силу закона об особом статусе Донбасса. Сделано это так и не было. Проводить новый саммит, не дождавшись выполнения решений прежнего, означало простить Киеву игнорирование прошлых, а заодно и всех будущих договоренностей. Что же касается объявления России стороной конфликта, то в глазах Москвы это был шаг к срыву переговоров об урегулировании. Минские соглашения обозначали сторонами конфликта Украину и Донбасс и никаких иных трактовок не допускали. Киев действительно пытался навязать всем свое мнение, что Россия – сторона конфликта и конфликт этот не между Киевом и Донбассом, а между Украиной и Россией. Но успеха эти попытки не имели до августа 2021 года, когда о солидарности с этим подходом Украины заявила Ангела Меркель.

К началу октября, после телефонного разговора лидеров России, Германии и Франции, запрос Берлина и Парижа стал несколько скромнее. Теперь они предлагали провести встречу министров иностранных дел «Нормандской четвёрки». Владимир Путин поручил Сергею Лаврову оценить, возможна ли такая встреча. Опубликованная МИД переписка, собственно, и посвящена этой оценке.

Согласно принятой практике, Лавров в письме от 29 октября 2021 года отправил своим немецкому (Хайко Маас) и французскому (Жан-Ив Ле Дриан) коллегам проект совместного заявления по итогам министерской встречи. В нем указывалось на невыполнение Украиной Минских соглашений и подчеркивалось, что ответственность за их выполнение лежит на Киеве, Донецке и Луганске – ответ на попытки объявить Россию стороной конфликта. Содержался в письме и призыв как можно скорее внести в законодательство Украины изменения, предусмотренные Минскими соглашениями. Правиль, напомним, необходимо было многие украинские законы, начиная с конституции.

Лавров также предлагал призвать Украину не принимать законы, подрывающие выполнение Минских соглашений. Речь шла о законе об образовании, законе об основах функционирования украинского языка как государственного и о законе о коренных народах. Первые два закона, по сути, запрещали использование русского языка как языка образования и общественной жизни. Третий исключал русских из числа коренных народов Украины. Все три закона противоречили Минским соглашениям, гарантировавшим Донбассу среди прочего языковую автономию, а также особый статус в составе страны. Четвертый закон, обсуждавшийся на Украине и подвергшийся критике в проекте Лаврова, – это закон «Об основах государственной политики переходного периода». Он был внесен в Верховную раду в августе 2021 года и описывал, как киевские власти намерены вернуть под свой контроль утраченные после «евромайдана» территории. Законопроектом предусматривалось поражение в правах жителей Донбасса и Крыма, а выполнение Минских соглашений исключалось. Наконец, Лавров предлагал включить в проект совместного заявления пункт, увязывающий новую встречу «нормандского формата» на высшем уровне с выполнением Киевом всех договоренностей, ранее достигнутых на таких встречах.

Отвечая на предложения Лаврова, его немецкий и французский коллеги с первых строк принялись настаивать, что министерскую встречу все же надо провести. Они утверждали, что во время телефонного разговора лидеров стран якобы было твердо условлено провести встречу, и даже называли определенную дату – 11 ноября. Далее они упомянули, что «не все участники» «нормандского формата» (читай: Украина) согласны с призывом к налаживанию прямого диалога между Киевом и Донбассом и с оценкой конфликта как внутриукраинского.

Маас и Ле Дриан предложили свой проект совместного заявления. В нем содержался призыв выполнить в полном объеме решения Парижского саммита «нормандского формата». Но дальше в их тексте шло перечисление конкретных решений, и все они относились к режиму прекращения огня. Среди прочего они предлагали «повторное подтверждение» подписанных почти полутора годами ранее «Мер по усилению прекращения огня». Вообще слово «подтверждение» пользовалось большой популярностью у европейских дипломатов, занимавшихся конфликтом на Донбассе: когда было очевидно, что решение не выполняет Украина, а ставить это на вид Киеву они не хотели, то предлагали решение «подтвердить» (то есть еще раз устно

одобрить), хорошо понимая, что Киев менять свой курс не будет. Кроме того, Маас и Ле Дриан жаловались, что наблюдателей из миссии ОБСЕ на Украине не пускают всюду, куда они хотят попасть в Донбассе.

В списке требующих исполнения решений Парижского саммита не было ключевого вопроса политического урегулирования: внесения в законодательство Украины изменений, которые сделали бы возможным вступление в силу закона об особом статусе Донбасса. Германия и Франция предлагали молча простить Украине это невыполненное решение и лишь продолжать обмениваться мнениями по этому вопросу. Украинские законы, идущие вразрез с Минскими соглашениями, министры иностранных дел Франции и ФРГ просто игнорировали.

Сергей Лавров в ответ напомнил, что прямые переговоры между Киевом и Донбассом – это требование Минских соглашений, что режим прекращения огня плохо работает, потому что Украина не отдала недвусмысленных приказов своим военным, что миссия ОБСЕ по ее мандату должна взаимодействовать с местными властями, а в Донбассе это власти ДНР и ЛНР. Он указал, что предложенная дата встречи уже обсуждалась и Россия не соглашалась на встречу в этот срок.

Реакцией Германии и Франции на перечисленные возражения стало публичное обвинение России в том, что она отказывается от встречи министров «нормандского формата». Более того, Москве пригрозили «последствиями» за «нарушение территориальной целостности Украины». Эти заявления и побудили российский МИД обнародовать переписку, чтобы публика не оставалась в неведении о позициях сторон и не судила о них по высказываниям европейских дипломатов.

Ложная память

Вряд ли Ангела Меркель не знала, как немецкие и французские дипломаты вели переговоры с Россией осенью 2021 года, по сути, помогая Украине манкировать Минскими соглашениями. Важная деталь: Маас и Ле Дриан в переписке с Лавровым выступали с единой позицией, отправляя ему письма за общей подписью. Позиция Европейского союза не могла сильно отличаться от общей позиции Берлина и Парижа. Так что совершенно непонятно, что изменилось бы, если бы переговоры велись между Россией и ЕС.

Возможно, в интервью Bild Меркель хотела в завуалированной форме покритиковать механизм принятия внешнеполитических решений в Евросоюзе и призвать его руководство не избегать диалога с Москвой. Ее не услышат, но ничего вредного в таком пожелании нет. Хуже, если ее слова отражают те западные убеждения, касающиеся России, которые действительно сильно повлияли на возникновение украинского кризиса.

Речь об уверенности западных политиков и политических комментаторов, будто Россия озабочена не вопросом своей безопасности, а своим «статусом». Рассуждают они примерно так: «Когда Москва говорит о расширении НАТО как об угрозе, это всего лишь пропаганда. На самом деле она хочет, чтобы страны Запада признали ее равной. Дадим ей такое признание, а "на земле" продолжим старый курс». С этой точки зрения, сами переговоры с Россией – это для нее уже достижение и награда, а компромиссы с Москвой попросту не требуются. Так рассуждал бывший президент

ЧТО СТОИТ ЗА СЛОВАМИ МЕРКЕЛЬ О ТОМ, ЧТО ПОЛЬША И ПРИБАЛТЫ СПОСОБСТВОВАЛИ НАЧАЛУ СВО

США Джо Байден, когда готовился к встрече с Путиным в Женеве в июне 2021 года. Проявляя положенное внешнее уважение, он, по собственному признанию журналу Time в мае 2024-го, на предложение финляндизации Украины ответил угрозой «НАТОизировать Финляндию». Уверенность, что России нужны переговоры ради «статуса», давно выступает препятствием – не главным, но значимым – для каких-либо договоренностей с Западом. Речь Меркель свидетельствует, что он многое забыл и ничему не научился.

Впервые опубликовано деловым журналом «Профиль»: Николай Силаев.
«Что стоит за словами Меркель о том, что Польша и прибалты способствовали началу СВО»

Источник: **Что стоит за словами Меркель о том, что Польша и прибалты способствовали началу СВО**

ОБ АВТОРЕ

Николай Силаев

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Кавказ, Украина, СНГ

Область экспертизы: Ведущий российский специалист в области международных конфликтов на постсоветском пространстве. Эксперт по вопросам демографических, экономических и административно-правовых аспектов интеграции Северного Кавказа. Специализируется на внешней политике России и отношениям со странами СНГ.

Профессиональный опыт: Ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, директор Лаборатории интеллектуального анализа данных. Эксперт Российского совета по международным делам, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай».

